

Книга г. Паульсона составляет часть его «Методики граммоты» появившейся въ прошломъ году. При составленіи своей фонетики, графики и орѳозіи г. Паульсонъ пользовался лучшими сочиненіями по этимъ вопросамъ, и съ этой стороны можно замѣтить, что авторъ не имѣлъ въ виду только сочиненія Де-Соссюра «Le système primitif des voyelles».

Содержаніе и планъ книги: органы рѣчи и ихъ отпращленія, классификація гласныхъ и согласныхъ (по Беллю), обзоръ сочетаній, недостатки произношенія и средства къ ихъ исправленію, графика и отношеніе орѳозіи къ орѳографіи.

Рисунки, которые помѣщены въ книгѣ, заслуживаютъ большой похвалы. Можно пожалѣть только, что нѣтъ рисунка, изображающаго положеніе органовъ при произношеніи сочетаній и это тѣмъ болѣе, что отдѣлъ о сочетаніяхъ изложенъ очень сжато и не вполне ясно.

Нельзя также не замѣтить, что авторъ вводитъ иногда новые термины вмѣсто общеупотребительныхъ и принятыхъ во всѣхъ языкахъ, какъ напримѣръ термины *надсадка* (надставная труба), *сквозные звуки* (длительные), *принебленные звуки*, *гласно-согласные* (сонанты), *картавое р*. Въ вопросѣ о двугласныхъ звукахъ г. Паульсонъ какъ бы колеблется между признаніемъ и отрицаніемъ ихъ существованія въ русскомъ языкѣ, но болѣе или менѣе склоняется все-таки въ пользу признанія ихъ. Съ этимъ едва ли можно согласиться, такъ какъ въ сочетаніяхъ *aj, oj, ej, ja, je, jo* несомнѣнно присутствуетъ *j*, звукъ согласный. Всѣ эти сочетанія требуютъ при своемъ произношеніи двойного экскурса, тогда какъ по общепринятому въ нѣмецкой наукѣ мнѣнію для двугласныхъ долженъ быть одинъ экскурсъ и удареніе должно быть на первомъ изъ компонентовъ.

Отдѣлъ о твердыхъ и мягкихъ согласныхъ построенъ на звуковыхъ впечатлѣніяхъ человѣческаго слуха, а потому и мало убѣдительно. Слуховыя ощущенія—почва, вообще, шаткая, и на ней нельзя ничего основывать; слова къ этому и *этикетъ*, напр. или *перстг* и *персть*, приводимыя г. Паульсономъ, звучать для одного уха такъ, а для другого совершенно иначе. Глава о недостаткахъ произношенія написана въ общемъ очень ясно и хорошо. Но напрасно г. Паульсонъ предлагаетъ дѣлать

исправленіе произношеніи такъ легко и безъ достаточной къ тому подготовки — всякому обучающему. Это дѣло не простое, оно требуетъ специальныхъ знаній, которыми обладаютъ далеко не всѣ учителя. Иногда, какъ напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда эти недостатки вызваны особенностями расы, они даже признаются знатоками и вовсе неизлѣчимыми. Къ тому же многіе изъ нихъ, какъ напр. грасированіе *r*, не вредятъ правописанію и, слѣдовательно, не нуждаются въ школьномъ исправленіи.

Совѣтуя знакомить учениковъ прежде всего съ отдѣльными звуками, г. Паульсонъ, какъ авторъ извѣстнаго метода письма-чтенія, нѣсколько увлекается: онъ рекомендуетъ напр. уподоблять наши члено-раздѣльные звуки тому, что ребенокъ слышитъ въ природѣ. Это (встрѣчается еще у Коменскаго) можетъ повести къ смѣшенію понятій, такъ какъ на самомъ дѣлѣ звуки человѣческаго голоса кореннымъ образомъ отличаются отъ всѣхъ другихъ звуковъ, и ученики должны всегда знать и понимать это. Кромѣ того такое подыскиваніе похожихъ звуковъ изъ міра природы опасно въ классѣ и въ дисциплинарномъ отношеніи.

Графика изложена у г. Паульсона тоже очень обстоятельно и хорошо, но встрѣчаются и ошибки. Знакъ ударенія, напр., никогда не существовалъ въ древности; слова *свадьба* и *надежда* не имѣютъ никакого отношенія къ аналогическому письму, къ которому относить ихъ авторъ книги. Слишкомъ жестоко относится авторъ къ логическому письму, и его ссылка на Раумера въ этомъ случаѣ мало убѣдительна: письмо и языкъ служатъ одной и той же цѣли — какъ можно яснѣе выразить мысль, и отнимать у письма лишнее и сильное къ тому оружіе нѣтъ надобности. Точно также странны допускаяемыя г. Паульсономъ начертанія *редька*, *речь* — чрезъ *е*.

Въ концѣ книги, говоря о необходимости согласовать нашу орфографію съ орфоэпикой, г. Паульсонъ даетъ лишь два опредѣленныхъ орфоэпическихъ правила: произношеніе *з* какъ *в* въ родительномъ падежѣ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій и произношеніе предлога *къ* передъ *к* — какъ *х*. Второе изъ этихъ правилъ является еще очень спорнымъ вопросомъ и врядъ ли можетъ быть принято всеми.

Нельзя не отнести къ книгѣ г. Паульсона весьма сочу-

ственно: она, безъ всякаго сомнѣнія, сослужить хорошую службу выясненію вопроса о характерѣ, происхожденіи и произношеніи звуковъ русскаго языка. Съ этой точки зрѣнія самымъ цѣннымъ отдѣломъ книги надо признать физиологію звуковъ.

Въ послѣдовавшихъ за выслушаніемъ доклада (приведеннаго выше въ извлеченіи) преніяхъ выяснилось, что если г. Паульсонъ не ссылается на Павскаго, очень подробно разсматривавшаго сочетанія звуковъ, то это потому, что классификація этихъ сочетаній у г. Паульсона несравненно научнѣе и лучше, чѣмъ у Павскаго; что письмо-чтеніе введено у насъ не г. Паульсономъ, а Ушинскимъ, въ 1864 г.; что если неудобно прибѣгать въ классѣ къ звукоподражаніямъ, то настолько же неудобно и демонстрировать аппаратъ (на рисункѣ или модели), какъ то предлагаетъ референтъ. Это вовсе не доступно дѣтямъ, и самое лучшее—вовсе не касается съ ними вопроса о происхожденіи звуковъ и звуковыхъ артикуляцій. Кромѣ того, было замѣчено, что говоря о сближеніи нашей орфографіи съ произношеніемъ, референтъ слишкомъ становится на защиту историческаго письма и нашей азбуки. Введеніе въ нее начертаній, болѣе соотвѣтствующихъ звуковой сторонѣ рѣчи, было бы весьма желательно, но, конечно, здѣсь не нужно останавливаться на полумѣрахъ и предлагать ввести какое нибудь одно новое начертаніе, какъ это дѣлаетъ г. Паульсонъ, предлагая писать *ѣ* тамъ, гдѣ слышится *jo*; это и бесполезно, и неудобно, и неправильно, такъ какъ тутъ смѣшиваются два случая: *о* послѣ мягкаго согласнаго, и *о* съ предшествующимъ ему *j*.

Собраніе приняло слѣдующее заключеніе:

Книжка г. Паульсона признается очень полезною и цѣбною (въ особенности въ первой своей части и въ отдѣлѣ о сочетаніяхъ); отдѣлъ орфографіи заключаетъ въ себѣ хорошую группировку существующихъ видовъ нашего письма, въ отдѣлѣ приложенія выводовъ и положеній книги къ школѣ—нѣтъ ничего новаго; всего слабѣе отдѣлы о патологіи рѣчи; нападки на логическое письмо неосновательны и не даютъ ничего новаго.

Возраженія Г. И. Паульсона на сдѣланный разборъ его книги.
Рисунковъ для изображенія артикуляцій сочетаній дать

нельзя, а чертежи въ родѣ тѣхъ, какіе есть у Богородицкаго, не достигаютъ цѣли. Термины, противъ которыхъ возражаетъ г. Анненскій, или представляютъ собою переводъ терминологіи, употребляющейся и въ другихъ языкахъ, или составлены послѣ долгихъ размышленій, въ виду непригодности существующихъ, или не вводятся, а лишь предлагаются рядомъ съ другими. На звуковыя ощущенія, на слухъ полагаться, конечно, нельзя, но и игнорировать ихъ тоже невозможно. Исправлять произношенія у учащихся необходимо и далеко не такъ трудно, какъ кажется, хотя, конечно, тутъ надо быть осторожнымъ; произношеніе должно быть правильнымъ и независимо отъ того имѣетъ ли оно отношеніе къ правописанію или нѣтъ. Прибѣгать въ классѣ къ звукоподобіямъ нисколько не опасно и необходимо, ибо иначе очень трудно выдѣлять на первыхъ порахъ обученія отдѣльные звуки изъ словъ. Логическое письмо не выдерживаетъ критики и не имѣетъ никакого разумнаго оправданія; есть много словъ, которыя при различномъ значеніи пишутся одинаково, и это не вредитъ пониманію рѣчи, не затемняетъ ея смысла; существованіе же двойныхъ начертаній только для различенія значенія словъ чрезвычайно усложняетъ и безъ того богатое правилами и далекое отъ произношенія русское правописаніе. Въ заключеніе г. Паульсонъ сказалъ нѣсколько словъ въ пользу фонетическаго письма.

Первый и самый важный аргументъ въ этомъ случаѣ, по его мнѣнію, то простое соображеніе, что право писать грамотно — есть право всѣхъ; при существованіи же нашихъ историческихъ начертаній оно составляетъ какъ бы исключительную привилегію образованныхъ людей, и недоступно массѣ, которая всегда будетъ безграмотна. Фонетическое же письмо дало бы возможность писать грамотно по русски всякому, кто умѣетъ читать и писать.

О запискѣ г. Боголюбова «одно положеніе для русской грамматики», докладъ И. Θ. Анненскаго (записка прислана въ отдѣлъ изъ ст. Усть-Медвѣдица, обл. войска Донскаго).

«Въ греческомъ языкѣ употребляются два способа для выраженія историческихъ временъ: въ изъявительномъ наклоненіи формы этихъ временъ образованы изъ настоящаго, буду-

щаго и перфектума; въ желательномъ тѣ же формы главныхъ временъ, безъ переменъ, выражаютъ историческія времена, когда онѣ находятся въ зависимости отъ историческихъ временъ главнаго предложенія; praes. и futur. въ этомъ случаѣ равняются историческимъ изъяв. накл., образованнымъ изъ настоящаго и будущаго; перфектумъ и аористъ (буд. II-е другихъ язык.)=plusquamperfectum'у изъ прош. соверш. и буд. II. Первый способъ выраженія историческихъ временъ посредствомъ формъ, образованныхъ изъ наст., буд., перфектума и буд. II, по моему мнѣнію, можно назвать *этимологическимъ*, потому что этимологія опредѣляетъ ихъ временное значеніе; второй же способъ, въ которомъ временное значеніе формы узнается только изъ синтаксиса, естественно назвать способомъ *синтаксическимъ*. Разсматривая съ этой точки зрѣнія иностранные языки, легко замѣтить, что всѣ они имѣютъ этимологическія глагольныя формы для выраженія историческихъ временъ, но несмотря на это каждый изъ нихъ болѣе или менѣе пользуется и синтаксическимъ способомъ; такъ напр. въ латинскомъ языкѣ impref. conjunct. не имѣетъ суффикса для обозначенія историчности, оно собственно, какъ составленное изъ неопр. накл. должно выражать буд. вр., но слѣдуя за историч. формами, оно принимаетъ ихъ значеніе.

Русскій языкъ рѣзко отличается отъ иностранныхъ тѣмъ, что не имѣетъ производныхъ историческихъ формъ отъ главныхъ временъ, а прямо, безъ измѣненія, употребляетъ тѣ же формы для выраженія прошедш. времени. Слѣд., въ русскомъ языкѣ необходимо различать настоящее и будущее съ собств. значеніемъ и наст. и буд. историческія, равняющіяся въ иностранныхъ языкахъ историческимъ изъ настоящихъ и будущихъ.

По моему крайнему разумѣнію, здѣсь полная солидарность между русскимъ и иностранными языками: тѣ же самыя средства (наст. и буд.), только различные способы ихъ примѣненія: въ иностранныхъ языкахъ историческія времена выражаются этимологически, посредствомъ приставокъ къ основамъ главныхъ временъ или иногда подъема гласныхъ (нѣм. яз.), русскій же языкъ для обозначенія ихъ историчности единственно

употребляетъ синтаксисъ. Обратимъ, напр., вниманіе на временное значеніе слѣдующихъ двухъ фразъ: «Янычары *пожались*, что они не *нападутъ* на короля Шведскаго (Карла XII), и *дадутъ* ему три дня, которые онъ проситъ» и «одна женщина *предсказала* мнѣ, что я *сдѣлаюсь* Императоромъ, когда *убью* венгря» (слова Діоклетіана, уже отказавшагося отъ престола). Глагольная форма главнаго предложенія этихъ фразъ выражаетъ историческое время; возможно ли послѣ этого допустить, чтобы настоящее и будущее глаголовъ придаточнаго предложенія имѣли здѣсь собственное значеніе, т.-е. выражали дѣйствіе, которое совершается въ минуту рѣчи или будетъ совершаться? Ясно, что тутъ употребленъ синтаксическій способъ для обозначенія историческихъ временъ: историчность глаголовъ главнаго предложенія передается настоящему и будущему глаголовъ придаточнаго предложенія, которымъ въ языкахъ, употребляющихъ этимологическій способъ, должны соотвѣтствовать историческія формы изъ настоящаго и будущаго. Если мы, разбирая грамматически, въ приведенныхъ фразахъ, глаголы придаточнаго предложенія, называемъ форму *проситъ* настоящимъ временемъ, а формы будущаго времени только будущимъ, то мы бываемъ далеки отъ истины и насильственно отрываемъ свой родной языкъ отъ иностранныхъ, чѣмъ, конечно, въ высшей степени грѣшимъ противъ дидактики. По моему мнѣнію, мы принесли бы большую пользу дѣлу обученія, еслибы въ русской грамматикѣ указывали на значеніе послѣдовательности временъ; тогда бы учащіеся ясно сознавали, что они коверкаютъ родной языкъ, употребляя, при переводахъ съ иностраннаго языка, прошедшее тамъ, гдѣ по свойству русскаго языка должно быть настоящее или будущее, а переводя съ русскаго, они узнали бы изъ отечественнаго языка, къ какой категоріи нужно отнести время глагола придаточнаго предложенія.

Изъ приведенныхъ же примѣровъ мы видѣли, что въ русскомъ языкѣ историческія времена, кромѣ настоящаго и будущаго, выражаются еще причастной формой на *ль*, которая вмѣстѣ съ формами настоящаго и будущаго вполне отвѣчаетъ составу историческихъ формъ въ иностранныхъ языкахъ; наши настоящаго и будущее=ихъ основамъ; причастная же форма на

лъ—префиксамъ и суффиксамъ въ простыхъ формахъ и причастію прошедшему въ сложныхъ, т. е. вообще *указателямъ* прошедшихъ временъ. При грамматическомъ разборѣ въ русскомъ языкѣ необходимо также отличать двойное значеніе причастной формы на лъ вида совершеннаго: она выражаетъ и настоящее вида совершеннаго, =perfect—у graes. въ иностранныхъ языкахъ, и прошедшее того же вида, соответствующее perfect. hist, аористу и plusquamperfectum'у (perf. hist и аористъ такіа прошедшія, которыя были когда то perfect. graes., слѣдовательно по значенію онѣ равны plusquamperfect-у, что доказывается употребленіемъ ихъ вмѣсто послѣдняго времени въ гр. лат. и фр. яз). Чтобы опредѣлить время причастной формы на лъ вида совершеннаго, должно разложить ее на причастіе прошедшее и глаголь вспомогательный; настоящее время послѣдняго укажетъ на принадлежность формы къ настоящему времени вида совершеннаго, прошедшее—отнесетъ ее къ историческимъ временамъ. Различіе это важно еще потому, что въ русскомъ языкѣ отъ него зависитъ временное значеніе настоящихъ и будущихъ глаголовъ придаточнаго предложенія. Предположимъ, что въ первомъ приведенномъ мною примѣрѣ глаголь *пожались* выражаетъ настоящее вида совершеннаго (=perf. graes), тогда глаголы придаточнаго предложенія *нападутъ*, *дадутъ* и *просятъ* получаютъ собственное значеніе будущаго и настоящаго, тогда какъ при историческомъ *пожались* они имѣютъ значеніе прошедшаго времени=imperf. изъ будущаго и настоящаго. Въ настоящее время, кажется, только преподаватели иностранныхъ языковъ, въ интересахъ *consecutio temporum*, указываютъ на двойное временное значеніе формы лъ, но развѣ это не истина для русской грамматики? Мало этого: въ русскомъ языкѣ, какъ мы видѣли, знакомство съ этой истиной еще болѣе необходимо, чѣмъ въ иностранныхъ языкахъ, потому что ею опредѣляется временное значеніе глаголовъ придаточнаго предложенія.

Я говорилъ до сихъ поръ о томъ, какъ необходимо въ русскомъ языкѣ обращать вниманіе на послѣдовательность временъ въ главномъ предложеніи съ придаточными; но эта же послѣдовательность, въ видѣ чередованія разнородныхъ формъ, часто встрѣчается и въ главныхъ предложеніяхъ, слѣдующихъ

другъ за другомъ. Прекрасный примѣръ этого чередованія представляетъ въ своей повѣствовательной части басня Крылова «Мартышка и очки». И въ этомъ случаѣ форма на *ль* съ историческимъ значеніемъ, употребляемая на ряду съ формами настоящаго и будущаго опредѣляетъ историчность послѣднихъ. Что же касается тѣхъ случаевъ, въ которыхъ историчность настоящаго и будущаго не показана послѣдовательностью временъ, о нихъ можно сказать то же самое, что нашъ почтенный филологъ Ал. Аф. Потебня сказалъ о видахъ глаголовъ (изъ зап. по Р. грам. Введен. стр. 48), примѣняя ко временамъ: «случай, въ которыхъ историчность настоящаго и будущаго приурочена къ послѣдовательности временъ, поддерживаютъ въ говорящемъ наклонность различать это значеніе и тамъ, гдѣ оно не различено послѣдовательностью».

Наконецъ при грамматическомъ разборѣ въ русскомъ языкѣ не должно упускать изъ виду и того, что тотъ же глаголь главнаго предложенія можетъ отнимать у исторической формы ея историчность. Возьмемъ для примѣра слѣдующія двѣ фразы: Я *желаю*, чтобы ты *выучилъ* это стихотвореніе и я *желаю*, чтобы ты *выучилъ* это стихотвореніе. Если въ первой фразѣ глагольную форму *выучилъ*, при грамматическомъ разборѣ, мы отнесемъ къ прошедшему времени, безо всякой оговорки, то мы будемъ вдвойнѣ неправы, и передъ логикой и передъ дидактикой; тогда какъ придавъ глаголу *выучилъ* значеніе будущаго времени, мы, оставаясь вѣрными логикѣ, опредѣлили бы въ русскомъ языкѣ временную категорію, которая должна быть употреблена при переводѣ этой фразы на иностранный языкъ. Полную аналогію встрѣчаемъ мы въ греческомъ языкѣ, гдѣ аористъ въ повелительномъ, сослагательномъ и желательномъ наклоненіяхъ теряетъ свою историчность вмѣстѣ съ указателемъ ея; за нимъ остается въ этомъ случаѣ только значеніе будущаго времени вида совершеннаго: этотъ фактъ мнѣ кажется вполне достаточнымъ, чтобы понять, почему славянская аористическая форма *бы* сдѣлалась указателемъ будущаго времени какъ въ славянскомъ, такъ и въ русскомъ языкѣ (сравнивая въ условномъ наклоненіи частицу *бы* при одномъ прошедш. въ русскомъ и славянскомъ языкѣ и при двухъ прошедш. въ славянскомъ

съ такими же иностранными формами изъ будущаго (Авт. Будиловичъ. Учебникъ цер. слав. грам. § 17. 34. Варшава. 1883 г).

Сверхъ того преподавателямъ филологамъ извѣстно, что тотъ же самый аористъ, и та же самая наша причастная форма на *ль* выражаютъ и настоящее время въ пословицахъ.

На основаніи всего сказаннаго, по моему убѣжденію необходимо въ русской грамматикѣ допустить, во имя истины и интересовъ учащихся, слѣдующее положеніе: *Въ русскомъ языкѣ историческія времена выражаются, кромѣ причастной формы на *ль*, настоящимъ и будущимъ, и наоборотъ, глагольная форма на *ль* употребляется для выраженія настоящаго и будущаго времени.*

Само собою разумѣется, что при этомъ положеніи должно быть введено въ грамматикахъ ученіе о двухъ способахъ выраженія временъ, этимологическомъ и синтаксическомъ, и объ отношеніи ихъ другъ къ другу.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести, если не ошибаюсь, слова покойнаго К. Д. Кавелина, которыя, по моему мнѣнію, могутъ относиться и къ языкоученію: «вообще мы замѣчаемъ, говорить онъ, что чѣмъ *выше* мы восходимъ къ единству, тѣмъ разумная необходимость просвѣчиваетъ болѣе и, наоборотъ, чѣмъ болѣе вдаемся въ раздробленность и преслѣдуемъ ее въ малѣйшихъ ея оттѣнкахъ, тѣмъ произвольность болѣе обнаруживается».

Къ высказанному г. Боголюбовымъ мнѣнію собраніе отнеслось съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, но согласиться съ нимъ не могло.

Авторъ желаетъ, чтобы ученикамъ внушалось различіе между этимологическимъ и синтаксическимъ способомъ выраженія, т.-е. между формою и ея значеніемъ въ томъ или другомъ частномъ случаѣ.

По мнѣнію докладчика, тутъ нужно наблюдать извѣстную постепенность, сообразно возрасту учащихся; нужно также, чтобы для каждаго случая такого разграниченія было достаточное основаніе. Примѣры, приводимые г. Боголюбовымъ (какъ отрывокъ *Янгчары*), въ этомъ отношеніи ничего не дадутъ учащимся и недостаточно ярки. Авторъ записки не ограничи-

вается этимъ. Онъ хочетъ, чтобы ученику было внушено, что *consecutio temporum* имѣетъ мѣсто въ русскомъ языкѣ (синтаксически), точно такъ же какъ въ латинскомъ и французскомъ (формально). Это уже совершенно произвольно и не соответствуетъ всему строю русскаго языка, не столько логическому, сколько живому и богатому поэтическими красками, живописью. Относительно глаголовъ русскій языкъ даетъ гораздо больше нагляднаго, указываетъ характеръ, оттѣнки дѣйствія, и это свойство его развивается въ ущербъ логической сторонѣ. Поэтому разбирать русскія глагольныя формы исключительно съ точки зрѣнія ихъ синтаксическаго значенія, значитъ стирать въ сознаниіи учащихся характерныя черты русскаго языковаго строя. Гораздо важнѣе было бы поэтому при изученіи древней литературы и памятниковъ обращать вниманіе учащихся на историческое прошлое нашихъ глагольныхъ формъ, на ихъ основное значеніе, постепенно ими утраченное, и т. п.

Съ дидактической точки зрѣнія, на которой особенно настаиваетъ г. Боголюбовъ, говоря, что не слѣдуетъ будто бы насильственно отрывать свой родной языкъ отъ иностранныхъ, тоже вовсе не полезно замалчивать особенности русскаго языка и приводить все языки къ общему шаблону, къ одной логической схемѣ; это не значитъ сближать ихъ и ставить ихъ изученіе на сравнительную почву, а какъ показываетъ опытъ *Grammaire universelle*, ведетъ, наоборотъ, къ ихъ обезличенію и искаженію.

Г. Боголюбовъ говоритъ и о послѣдовательности временъ въ главныхъ, сочиненныхъ предложеніяхъ. Этому уже нѣтъ вовсе никакого логическаго основанія, нѣтъ параллелей ни въ одномъ изъ другихъ языковъ, и примѣръ, приводимый г. Боголюбовымъ (басня «Мартышка и очки»), тутъ ровно ничего не доказываетъ и не разъясняетъ.

Изъ всего доклада г. Боголюбова, изъ всего *положенія*, которое онъ предлагаетъ ввести въ русскую грамматику, можетъ быть сдѣланъ такой общій выводъ: въ русскомъ языкѣ историческія времена выражаются кромѣ причастной формы на .ъ, настоящимъ и будущимъ, и наоборотъ, глагольная форма на .ъ, употребляется для выраженія настоящаго и будущаго времени.

Если для наглядности обозначить через *A*—*a* синтаксической и этимологическіе способы выраженія прошедшаго времени, через *B*—*b*—настоящаго, через *C*—*c*—будущаго, то получимъ такіа формулы: $\frac{A}{b}$, $\frac{A}{c}$, $\frac{B}{a}$, $\frac{C}{a}$, $\frac{B}{c}$, $\frac{C}{b}$, $\frac{A}{a}$, $\frac{B}{b}$, $\frac{C}{c}$, т.-е., что всякая форма можетъ быть замѣнена всякою другою. Отсюда недалеко уже и до Аксаковскаго вывода, что время въ русскомъ глаголѣ нѣтъ. Можно ли наводить на это учениковъ?! Нельзя также согласиться и съ тѣми терминами для обозначенія времени, которыя предлагаетъ г. Боголюбовъ въ своихъ статьяхъ: будущее-настоящее—прошедшее. Будущее-прошедшее. Прошедшее-настоящее.

Членами собранія было высказано въ дополненіе къ заключеніямъ докладчика: 1) установленіе *consecutio temporum* въ русскомъ языкѣ было бы весьма затруднительно уже потому, что мы имѣемъ въ сущности только одно время, и намъ невозможно прослѣдить всѣ тѣ тонкости въ значеніи времени, о которыхъ говоритъ авторъ записки. 2) Достаточно одного взгляда на тѣ формулы замѣнъ, которыя вывелъ И. О. Анненскій изъ записки, чтобы видѣть, что внести такое ученіе въ школу, значитъ запутать учениковъ и подорвать въ ихъ глазахъ всякое значеніе грамматики и ея правилъ. 3) Съ явленіями, вытекающими изъ логическаго разбора, слѣдуетъ вообще быть очень осторожнымъ и развѣ иногда, въ самыхъ простѣйшихъ и неподлежащихъ спору случаяхъ, обращаться къ нимъ и то лишь въ старшихъ классахъ. 4) Въ запискѣ совершенно игнорируется самая типическая и важная сторона русскаго глагола, его виды. Это же явленіе само по себѣ настолько оригинально, что дѣлаетъ положительно невозможнымъ подведеніе нашихъ глаголовъ подъ тѣ же правила логической зависимости времени, которымъ подчиняется глаголъ латинскій.

О запискѣ г. Лисицына «къ вопросу о преподаваніи отечественнаго языка».

Основное положеніе автора записки, касающейся обученія грамотности, состоитъ въ томъ, что «усвоеніе грамотности коренится главнымъ образомъ на психологической основѣ, на развитіи сознанія». Исходя изъ такой точки зрѣнія, онъ ведетъ